

СЛОВО

на пассію второй недѣли великаго поста.

Дщери іерусалимски, не плачтитеся о Мнѣ, обаче себе плачтите и чадо вашихъ (Лук. XXIII, 28).

Слова эти сказаны Господомъ и Спасителемъ нашимъ въ тяжкія минуты Его страданій, скорбную повѣсть о которыхъ вы только-что выслушали.

Преданный въ руки враговъ по вѣроломству одного изъ близкихъ учениковъ Своихъ, божественный Страдалецъ влачимъ былъ изъ двора во дворъ, отъ одного судилища къ другому, и Того, Который не сдѣлалъ ни малѣйшаго грѣха, вездѣ встрѣчали какъ отъявленнаго злодѣя, достойнаго самой жестокой и позорной казни. Ни во дворѣ Анны и Каіафы, ни въ преторіи Пилата, ни въ домѣ Ирода, нигдѣ Онъ не видѣлъ ни справедливаго вниманія, ни привѣта, ни сострадательнаго участія. Безчестенъ видъ Его, какъ видъ ужаснаго преступника, заключеннаго въ оковы; вокругъ Его раздаются грозные крики возбужденной и разъяренной толпы; неправеднымъ и жестокимъ

обидамъ нѣтъ конца и слова для выраженія. Надъ Нимъ ругаются и зло смѣются, Его бьютъ по лицу; на Него надѣваютъ терновый вѣнецъ, отъ котораго кровь ручьями течетъ съ Его головы и горячими каплями падаетъ на землю. Все, все Его оставило, даже тѣ, съ которыми Онъ постоянно дѣлилъ труды и бесѣды, о которыхъ молился къ Богу Отцу, да будутъ едино съ Нимъ и въ Немъ. Негуда Ему обратить взора, чтобы скорбной душѣ встрѣтить отраду и утѣшеніе. Увидѣлъ Онъ недалеко отъ Себя одного изъ самыхъ усердныхъ Своихъ приверженцевъ, но и тотъ, въ виду Господа, божился и клялся, что онъ не знаетъ человѣка, который возбуждаетъ противъ себя такія укорины и порицанія, божился и клялся несмотря на то, что прежде изъявлялъ твердую рѣшимость идти съ своимъ Учителемъ на крестъ и смерть, хотя бы всѣ соблазнились о Немъ и оставили Его.

Но вотъ приговоръ произнесенъ и скрѣпленъ властію. Невинный осужденъ на смертную казнь. Истомленнаго, измученнаго, Его ведутъ на мѣсто казни, гдѣ, среди насильственныхъ страданій, Онъ долженъ навсегда проститься съ жизнью, по человѣческимъ расчетамъ. Самъ Страдалецъ несетъ на себѣ орудіе предстоящей казни своей, несмотря на видимое истощаніе тѣлесныхъ силъ, доколѣ по случайной встрѣчѣ не облегчилъ эту ношу нѣкто Симонъ киринейскій. Толпа, сопровождающая печальное шествіе, растетъ и увеличивается, повинаясь закону нравственнаго тяготѣнія, котораго приложеніе такъ часто и обыкновенно среди городскихъ улицъ, гдѣ всякое позорище собираетъ къ себѣ десятки зрителей, и гдѣ десятки увлекаютъ за собою сотни и тысячи. Среди этой толпы, волнуемой теперь разнообразными чувствами, печальный видъ, представленіе близкой страшнѣйшей казни родили искру состраданія въ чувствительныхъ и мягкихъ сердцахъ, и жены іерусалимскія вздохами, слезами и рыданіями отвѣчали на скорбь

Осужденнаго, ведомаго на лобное мѣсто. Влажныя слезы должны были, повидимому, смягчить хоть немного ту жесткую обстановку, которая окружала невиннаго Страдальца, и принести Ему малую долю отрады въ тяжеломъ положеніи. Съ Его стороны естественно было ждаты слова благодарности за такое сочувственное участіе. Но... не за Себя страдалъ Господь и Спаситель нашъ, и не для Себя искалъ Онъ отрады и утѣшенія. Въ Его душѣ совмѣщалась скорбь всего міра, и наши страданія, наши болѣзни, прошедшія, настоящія и будущія, тяготили Его человѣколюбивое сердце. При всей силѣ Своихъ безмѣрныхъ страданій, съ невыразимою грустію Онъ смотрѣлъ на тѣхъ, кто въ обманчивомъ чувствѣ своего довольства считалъ достойнымъ состраданія всемогущаго Искупителя міра, Побѣдителя всѣхъ воль и болѣзней человѣческихъ. *Дщери іерусалимски, не плачтитеся о Мнѣ, обаче себе плачтите и чадо вашихъ.*

Что сказали бы намъ Спаситель нашъ, еслибы благоволилъ лицомъ къ лицу явиться среди нашего благочестиваго собранія?

Мы не видимъ великаго, печальнаго и страшнаго позорища. По зову церкви, мы являемся сюда для одного воспоминанія спасительныхъ для насъ страданій Господнихъ. Но при этомъ воспоминаніи наше сердце, можетъ быть, волнуется и трепещетъ отъ тѣхъ же самыхъ чувствъ, какія выражали когда-то жены іерусалимскія, въ день совершенія нынѣ воспоминаемаго событія. Мы думаемъ, что горькія представленія, при чтеніи евангельскаго повѣствованія, наполняли и тревожили душу почти каждаго изъ насъ, и не намъ считать, сколько скорбныхъ вздоховъ вознеслось къ небу изъ груди людей, составляющихъ теперешнее собраніе, не намъ изображать передъ вами, какъ слеза умиленія готова была проторгнуться изъ души, переполненной сострадательными помыслами, у тѣхъ, кого

природа наградила болѣе мягкимъ, пѣжнымъ и впечатлительнымъ сердцемъ.

Не безъ благоволенія взираетъ Господь на слезы благоговѣйнаго умиленія; предъ судомъ Его не пропадетъ даромъ ни одинъ вздохъ, какъ скоро онъ служитъ свидѣтелемъ добраго душевнаго настроенія, располагающаго душу къ новой благодатной жизни. Но мы не положимъ конецъ своихъ желаній въ безцѣльномъ, безпредметномъ состраданіи, при слушаніи трогательнаго евангельскаго повѣствованія. Невинный Страдалецъ уже воскресъ и сидитъ одесную Бога Отца, и язвы Его—наше спасеніе и наше исцѣленіе. И если намъ вздыхать и сожалѣть о чемъ либо, то конечно не о судьбѣ Господа Богочеловѣка, принесшаго Себя въ жертву безконечной правдѣ во исполненіе предвѣчнаго совѣта Божія. »Сыны и дщери новаго Іерусалима—церкви православной (сказалъ бы и намъ Спаситель нашъ)! *Не плачтитеся о Мнѣ, обаче себе плачтите и чады вашихъ.* Не жалѣйте о Моихъ страданіяхъ: для вашего блага Я добровольно понесъ и претерпѣлъ ихъ; они открыли торжество любви Божіей къ человѣку и отворили вамъ двери рая. О себѣ жалѣйте и чадахъ своихъ«.

Но почему такъ (спросите вы)? О чемъ собственно мы должны жалѣть и плагать, смотря на себя и чады своихъ?

Подобный вопросъ предполагалъ въ женахъ іерусалимскихъ Господь І. Христосъ, когда въ минуты крайняго уничтоженія Своего обратилъ сострадательный взоръ на тѣхъ, кто плакалъ и рыдалъ надъ Нимъ, и за чужое состраданіе платилъ собственнымъ состраданіемъ. Предупреждая его, Онъ обратился къ тѣмъ, кому совѣтовалъ плакать не о Немъ, а о себѣ, и о чадахъ своихъ, съ слѣдующими словами: *се дніе грядутъ, въ нязе рекутъ: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны,—и холмомъ: покройте ны. Зане, аще въ су-*

ровь древь сіа творять, въ сущь что будетъ? (Лук. XXIII, 29—31). »Вы сокрушаетесь обо Мнѣ (таковъ смыслъ этой рѣчи). Напрасно! Посмотрите лучше на себя и кругомъ себя. Надъ вами тѣготѣеть страшная и грозная сила, и не нынѣ, такъ завтра она разразится надъ вами или вашими сынами разрушительными ударами. Вы не рады будете жизни своей, будете искать смерти для прекращенія своихъ сграницій, и горы и холмы, у которыхъ вы будете просить защиты или мгновеннаго прекращенія своихъ тяжелыхъ дней, не покроютъ васъ своею тяжестью и не спасутъ васъ отъ той ужасной силы, которая такъ разрушительно и больно будетъ дѣйствовать на вашу душу, на ваше тѣло и на ваше благосостояніе. Въ судьбахъ Божіихъ сочтены дни ваши, и вы не увидите, какъ нагрянетъ на васъ туча гнѣва небеснаго и высшей правды. Смотрите, какъ погибаетъ зеленое, цвѣтущее дерево, а что будетъ съ деревомъ сухимъ и безплоднымъ?»

Для успокоенія себя мы можемъ думать, что эти слова предвѣщаютъ какое нибудь частное гражданское несчастье одному народу іудейскому и Іерусалиму, подобное разрушенію этого священнаго города и потерѣ отечества и свободы іудеями. Намъ можетъ казаться, что исторія уже оправдала этотъ грозный пророческій голосъ, и намъ нѣтъ основаній бояться его исполненія. Напротивъ, по обычнымъ нынѣ взглядамъ, мы поставляемъ себя совершенно въ иныя отношенія, чѣмъ какія указаны женамъ іерусалимскимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. На свое поколѣніе и поколѣніе будущее мы смотримъ съ самодовольствомъ и надеждами. Наше время—время свѣтлыхъ ожиданій, и мы твердо вѣруемъ, что будущее принесетъ нашимъ дѣтямъ и внукамъ больше счастья и совершенства, чѣмъ сколько досталось на нашу долю, что тѣ недостатки и тягости, какія удручаютъ нашу жизнь, съ теченіемъ времени будутъ все рѣже и рѣже, все меньше и меньше возбуждать горькихъ,

заботливыхъ думъ въ представителяхъ будущихъ родовъ и поколѣній. Нынѣшнія преобразованія, полагаемъ мы, сѣмя и начало лучшей будущей гражданственности и общественности, и грядутъ дни, когда дѣти наши съ радостными благословеніями будутъ встрѣчать утро и провожать вечеръ, вмѣсто того, чтобы говорить горамъ и холмамъ, падите на насъ и покройте насъ отъ угрожающихъ напастей.

Дай Богъ, чтобы надежды нашихъ дней скорѣе перешли въ жизнь, на радость грядущимъ поколѣніямъ. Мы не можемъ безъ благодарности думать и вспоминать о тѣхъ людяхъ, которыхъ и мысль и воля и трудъ сосредоточены на улучшеніи нашего во многомъ такъ несовершеннаго быта. И намъ было бы тяжело расстаться съ мыслию, по которой мы вѣруемъ, что честныя усилія нашихъ дней много добрыхъ плодовъ дадутъ нашему потомству. При всемъ томъ наше вниманіе никакъ не можетъ оторваться отъ сильнаго пророческаго голоса нашего Спасителя и Господа. *Не плачитесь о Мнѣ, обаче себе плачите и чадѣ вашихъ... Аще въ суровѣ древь сія творятъ, въ сусѣ же что будетъ?* Если несотворившій ни одного грѣха подвергается такимъ страданіямъ, что будетъ съ тѣми, у кого жизнь полна стремленій, помысловъ и дѣяній, вносящихъ разстройство во внутреннія глубины души нашей?»

Мы слышимъ здѣсь голосъ, призывающій къ самосознанію и каждаго изъ насъ въ частности и все наше поколѣніе вообще. Онъ говоритъ намъ, чтобы мы прежде—болѣе всего обращали вниманіе на себя самихъ и ту судьбу, какую мы строимъ себѣ своими дѣлами, а не увлекались до самозабвенія сочувствіемъ къ чужимъ дѣламъ и положеніямъ.

Нынѣ у насъ, слава Богу, не такія времена, какія наступали для Іудей послѣ явленія на землѣ Мессіи Богочеловѣка. Но человекъ и человекство въ существѣ своемъ остались тѣмъ же, чѣмъ были прежде. Наша внѣшняя жизнь выражаетъ

и носить въ себѣ то, что положено и расти вънутри насъ, въ душѣ нашей. А нашъ внутрсннй челоѡкъ доселѣ боленъ, доселѣ не можетъ похвалиться непреклонною нравственною силою и правильнымъ ходомъ своей душевной жизни. Мы не освободились, и Богъ знаетъ, когда освободимся отъ той глубокой, разъѣдающей насъ язвы, которая даетъ намъ постоянно чувствовать себя преобладаніемъ въ насъ худыхъ склонностей и желаній, нарушающихъ миръ и покой нашей души, миръ и покой людей окружающей насъ среды. Господь принесть намъ искупленіе, — далъ лекарство отъ застарѣлой болѣзни, идущей чрезъ всю исторію челоѡчества. Но оно дѣйствуетъ въ насъ подъ условіемъ нашей самодѣятельности; нужно, чтобы мы сами искали его и по мѣрѣ возможности устраняли все, могущее воспрепятствовать его силѣ и дѣйственности. Спросимъ же безпристрастно самихъ себя, насколько въ насъ сильно живительное начало любви христіанской, по которой въ каждомъ изъ своихъ ближнихъ мы должны видѣть своего брата, и устроить его счастье, какъ свое собственное? Насколько вошелъ въ нашу плоть и кровь тотъ святой законъ, который вышелъ отъ Сіона и Іерусалима для основанія новаго благодатнаго царства на землѣ, съ явленіемъ котораго должны были процвѣсть въ челоѡчествѣ правда, миръ и радость, и люди должны были расковать мечи свои на орала и копыя свои на серпы? Въ этомъ вопросъ о нашемъ счастьи и несчастьи, и, къ сожалѣнію, мы не можемъ дать на него удовлетворительный отвѣтъ. Врачевали насъ, — и мы не исцѣлѣли. Доселѣ чувствительно отзываются въ насъ горькія ощущенія нравственной боли, которая, безъ содѣйствія намъ благодати Божіей, неминуемо ведетъ челоѡка къ мѣсту скорбей и печалей, дѣлающихъ несчастіемъ самое благо жизни, и отъ этихъ ощущеній не спасаетъ избытокъ внѣшняго благополучія. Терпѣніе и скорбь — такія состоянія, къ которымъ почти каждый привыкаетъ съ

дѣтства, и съ которыми потомъ никто окончательно не разстается. Слезами поливается наша частная жизнь, слезами и кровію поливается наша жизнь общественная. И наше горе растеть вмѣстѣ съ нами, и какъ бы посмѣвается тѣмъ усиліямъ и успѣхамъ, какими заботливый человѣкъ думаетъ и надѣется обезопасить себя отъ него.

Итакъ, *не плачтитеся о Мнѣ* (повторимъ опять слова Спасителя), *обаче себе плачтите и чадо вашихъ*.

Посмотрите на самихъ себя! Какъ сплетена нить вашей жизни, и къ чему приведетъ васъ эта нить, такъ небрежно вами раснутываемая! Тамъ сказано жесткое, бранное, оскорбительное слово; тутъ внесена клевета на человѣка невиннаго, но беззащитнаго; нынѣ ссора, завтра гнѣвъ, мщеніе и зложелательство; нынѣ безсердечный смѣхъ надъ человѣкомъ, допустившимъ невольную ошибку, вчера холодный презрительный отказъ нищему, просившему у васъ куска хлѣба. Все это—сѣмена, изъ которыхъ каждое пускаетъ корень въ почвѣ души нашей, и съ теченіемъ времени приносить плодъ по роду своему. По указанію Писанія, ни одно слово праздное, тѣмъ болѣе дѣло, не пропадаетъ даромъ предъ судомъ высшей Правды, и наша судьба не что иное, какъ прямой выводъ изъ нашихъ помышленій и желаній, словъ и дѣяній. При своей свободѣ, мы творцы своего счастья или несчастья. Что, еслибы предъ нашимъ сознаніемъ цѣльною картиною раскрылась вся полнота нашего прошедшаго, какъ бываетъ, говорятъ, иногда въ предсмертный часъ, и какъ будетъ въ страшный судный день? Не падемъ ли мы тогда подъ тяжестію воспоминанія, и не пожелаемъ ли обратиться къ горамъ и холмамъ, чтобы они покрыли насъ отъ нашихъ угрызений и отъ гнѣвнаго взора Правосудія?

Обратимъ вниманіе на нашу общественность, которая многимъ изъ насъ своимъ строемъ даетъ поводъ и право ве-

личаться предъ временами нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Мы судимъ о ней по внѣшнимъ формамъ и положительнымъ мертвымъ узаконеніямъ. Съ этой стороны наше время имѣеть неоспоримое преимущество предъ временами протекшими. На нашихъ глазахъ замѣтно очищается и исправляется машина общественнаго благоустройства. Каждый годъ, если не мѣсяць, приноситъ намъ новые планы и предположенія касательно улучшенія той или другой отрасли нашей жизни, и законодательныя хартіи растутъ и плодятся, соотвѣтственно быстрой смѣнѣ нашихъ желаній. Но въ нашемъ мірѣ главное условіе счастья не мертвыя хартіи, не внѣшнія предписанія, а добрый духъ, живущій въ сердцахъ и осуществляющійся въ нравахъ и дѣлахъ человѣческихъ. Истинный другъ человѣчества не находитъ причинъ много радоваться, когда видитъ, какъ исправляются каменные скрижали закона, и между тѣмъ остаются въ небреженіи живыя скрижали душъ человѣческихъ: въ этомъ случаѣ обращаются въ ничто всѣ заповѣди, какъ бы мудро ни были онѣ начертаны; свобода и льготы могутъ быть на бумагѣ, а въ жизни неправда, произволь и стѣсненіе.

Есть ли же въ нашемъ общественномъ духѣ задатки искомаго нами блага, котораго мы напрасно стали бы ждать отъ однихъ мертвыхъ хартій?... Пусть каждый посмотритъ на себя и вокругъ себя и взвѣситъ тѣ нравственныя силы, которыми мы владѣемъ и можемъ достигать желанныхъ нами цѣлей.. У многихъ, при внимательномъ общественномъ самоиспытаніи, радужныя мечты и надежды на быстрое преуспѣяніе смѣняются скучнымъ разочарованіемъ. И въ устныхъ бесѣдахъ и въ печати приходится слышать и читать, что наши нравственно-общественныя силы усыплены, поражены мертвеннымъ равнодушіемъ и спятъ спокойнымъ сномъ тамъ, гдѣ требуется напряженная, усиленная дѣятельность. Выпадаетъ на нашу долю нравственная борьба съ силами, враждебными нашей вѣрѣ и

народности, и рождается опасеніе, что общественность великаго русскаго племени не выдержитъ соперничества съ напоромъ гражданственности болѣзненной, изжитой, неимѣющей точки опоры въ землѣ и народѣ, и мы робко смотримъ на свою гражданскую будущность въ то время, когда торжествуемъ побѣду правительства и оружія надъ нашими врагами. Люди взыскательнаго самосознанія, одушевленные патриотическими стремленіями, отличающіеся особенною любовію къ народу и отечеству, ищутъ свѣжаго ненадломленнаго молодаго поколѣнія и не находятъ его тамъ, куда обращаютъ свои взоры, и съ боязливою тревогою помышляютъ о томъ, кто будетъ радѣть объ удовлетвореніи заветныхъ желаній нашего народа, о сохраненіи священнаго духовнаго его достоянія, когда будущіе дѣятели его съ малыхъ лѣтъ начинаютъ питаться воздухомъ, иссушающимъ живое чувство вѣры и народности, и отрываются отъ почвы, изъ которой могли бы получить живительные соки для своей жизненной дѣятельности. Земля наша велика и обильна, но когда ждетъ исполнителей важное дѣло или полезное предпріятіе, часто среди многочисленнаго оказывается безлюдье, и за дѣло берутся или чужія, или неумѣлыя или слабыя руки. Мы ищемъ правды и неподкупности въ судахъ и безпощадно готовы бранить наши старыя гнусныя обычаи, и между тѣмъ, кому выпадаетъ жребій быть служителемъ правосудія, тотъ не всегда противится вліанію застарѣлаго обычая, и мы сами щадимъ неприкосновенность этого обычая, уваженіемъ окружая богатство, нажитое измѣною чести и правдѣ. Мы печалимся о судьбѣ меньшихъ братій своихъ, но сами съ своей стороны не расположены добровольно уступать для облегченія ихъ участи что нибудь изъ своихъ правъ, преимуществъ и достоянія, и законъ, стремящійся къ поднятію и улучшенію ихъ быта, не разъ встрѣчалъ препятствіе къ осуществленію предположеннаго въ немъ блага,

и стоны сельскихъ населеній еще не замолкаютъ при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ мудраго и милосердаго законодателя. Мы..... Но напрасно частными подробностями растравлять больныя раны человѣка, не любящаго вспоминать о нихъ. Наша цѣль только указать на явленія, которыя бы заставили насъ поглубже вдуматься въ свое нравственное положеніе и вывели насъ изъ опаснаго для насъ самоуслажденія. Еще нѣтъ причинъ къ самодовольству, когда мы исправляемъ однѣ формы и внѣшнія законоположенія, а оставляемъ въ небреженіи внутреннія нравственныя силы. Въ мірѣ духа и свободы буква и внѣшнія правила немного значатъ: здѣсь главное—святость убѣжденій и желаній, дающихъ силу мертвому закону и зияющихъ истинное благо человѣка. Первою заботою нашею должна быть забота о внутреннемъ обновленіи духа и жизни, сообразно высокому указанію христіанскаго закона; это обновленіе—святое сѣмя, которое вырастаетъ въ цвѣтущее дерево, способное покрыть своими вѣтвями и напитать своими плодами обширныя царства міра. Иначе, сколько бы разъ мы не перемѣняли внѣшнія формы своихъ общественныхъ отношеній, отъ этого мало будетъ пользы: это будетъ простая перемѣна одежды, которая сама собою нимало не исцѣлитъ болѣзней общественнаго тѣла. И къ намъ можно будетъ отнести слова Господа и Спасителя: *никто къ ветхой одеждѣ не представляетъ заплаты изъ небльенной ткани: иначе вновь пришитое отдеретъ отъ стараго, и дыра будетъ хуже. Никто не вливаетъ вина молодого въ мѣхи старыя: иначе молодое вино прорветъ мѣхи и вино вытечетъ, и мѣхи пропадутъ. Но вино молодое надобно вливать въ мѣхи новыя.* (Марк. 11, 21. 22).

»Можетъ быть, наши разсужденія (подумаетъ кто либо) неумѣстны и бесполезны для насъ въ нашемъ положеніи. Мы такъ незначительны въ составѣ нашего общества, что своимъ

направленіемъ, своими убѣжденіями и дѣйствіями, еслибы и хотѣли, не можемъ измѣнить общаго строя жизни. Пусть другіе дѣлаютъ лучше свое дѣло, — другіе, которые выше насъ поставлены. — Какъ ни обыкновенны между нами подобныя отговорки, но онѣ обличаютъ то несовсѣмъ-правильное настроеніе, которое желалъ измѣнить Господь нашъ, сказавшій женамъ іерусалимскимъ: *не плачтитеся о Мнѣ, обаче себе плачтите и чадъ вашихъ*. Своею мыслію мы постоянно выходимъ изъ своего круга и своего положенія, беспощадно осуждаемъ дѣйствія другихъ, рѣшаемъ судьбы царствъ и народовъ, а нѣтъ того, чтобы намъ попристальнѣе взглядѣться въ свою, къ намъ непосредственно близкую, жизнь и дѣятельность. Истинно-полезное жизненное направленіе не то, которое все вниманіе сосредоточиваетъ въ отвлеченной думѣ о чужомъ, а то, которое первѣе всего наблюдаетъ за тѣмъ, исполнили ли мы сами всѣ свои обязанности. Въ обществѣ, какъ въ тѣлѣ, каждый членъ имѣетъ значеніе, каждый членъ связанъ съ цѣлымъ, и если, по Апостолу, страдаетъ одинъ членъ, съ нимъ страдаютъ всѣ члены, и въ этомъ отношеніи (будемъ говорить словами апостола) *мнящіеся уды тѣла немощнѣйши быти нужнѣйши суть: а ихже мнимъ безчестнѣйшихъ быти тѣла, симъ честь множайшую прилагаемъ: и неблагообразіи наши благообразіе множайше имутъ: а благообразіи наши, не требъ имутъ: но Богъ раствори тѣло, худѣйшему большу давъ честь* (1 Кор. XII, 22—24). Т. е. самые ненужные, по видимому, люди, самые ничтожные въ существѣ дѣла, для правильности органическихъ отправленій не менѣе нужны и важны, какъ и люди высокопоставленные и окруженные всѣми признаками чести и внѣшняго благообразія. Чтобы не было распри въ тѣлѣ, всѣ члены одинаково должны исполнять свое дѣло, порученное имъ природою, и одинаково пещись одинъ о другомъ. Чтобы общее дѣло шло хорошо, каждый долженъ

честно выполнять обязанности того званія, въ которое онъ призванъ Богомъ или обществомъ, и добросовѣстнымъ выполненіемъ своего долга способствовать счастію и благу ближнихъ. Въ этомъ только случаѣ общественная жизнь будетъ развиваться стройно, и въ концѣ всего мы получимъ нравственное здоровье и благоденствіе. Представьте же, что всѣ люди будутъ разсуждать иначе, и каждый другаго только будетъ заставлять дѣлать свое дѣло и осуждать его ошибки, а самъ сидѣть въ бездѣтельномъ ожиданіи, ссылаясь на свою незначительность. Что тогда?... Тогда распря и застой будетъ въ общественномъ тѣлѣ, и слабость членовъ низшихъ болѣзненно отразится на всемъ организмѣ.

Не истины политической мудрости проповѣдуемъ мы, а истины евангельской нравственности, безъ которой ничто самая мудрая политика. Мы желаемъ только воплощенія въ обществѣ духа христіанской любви и чести, которая одна есть истинное основаніе всякаго, общественнаго семейнаго и личнаго блага. Будьте истинными христіанами, воплотите въ себѣ духъ вѣры и любви, научайтесь смотрѣть на свои согрѣшенія, а не осуждать брата своего,—и наша жизнь спокойно потечетъ красною дорогою, и впереди у насъ не будетъ тѣхъ страховъ, на какіе указывалъ Господь плакавшимъ о Немъ женамъ іерусалимскимъ. Аминь.

В. Пшоникій.

